Отважная амазонка в царстве балетных сильфид

Веч. Москва -1995.- 3 июня.- с.5

Галина Уланова как-то сказала: «Моя жизнь шла между двумя словами— «должна» и «нельзя». Эти слова определяли всю жизнь замечательной балерины Нины Тимофеевой. Она однажды призналась, что очень любит ...поесть. «Но не помню, чтобы мне когда-нибудь удавалось поесть досыта. Обычно мой завтрак состоит из чашки кофе и кусочка сыра, на обед — вареное мясо и овощи без хлеба, а на ужин — ничего. Глазами я бы съела даже целый торт. И селедки хочется, но подумаешь, соленая, значит, пить захочется, а через два дня спектакль. Нет, нельзя...»

Каждодневный, изнурительный труд на занятиях в классе, на репетициях. Я видел, как после репетиции труднейшего балета «Ночной город» Тимофеева упала на пол и прерывисто хрипло дышала, нет, не дышала — стонала, почти кричала от почти невыносимого перенапряжения. А назавтра — опять класс, опять репетиция...

Прибавьте к этому постоянное напряжение мысли, вечные усилия понять стиль, смысл, постигнуть всю глубину музыки, хореографии, предлагаемых обстоятельств роли. К всегдашней духовной работе артистки относится и жадное впитывание, поглощение впечатлений, которое дарит большое искусство. «Мне дорога каждая пушкинская строка, — говорит Тимофеева. — Люблю Омара Хайяма, изысканную метафоричность его стихов. Моя жизнь была бы беднее, если бы не существовали полотна Эль Греко. Я стала иначе воспринимать мир, иначе танцевать с тех пор, как увидела картины Босха»...

Леди Макбет — Н.Тимофеева, Макбет — В.Васильев

Балерина часто повторяла строки Бориса Пастернака — «цель творчества — самоотдача». В своих интервью она говорила: «Чем раньше приходит понимание необходимости самоформирования, самовоспитания, тем лучше для артиста. Балетное искусство, как ни одно другое, требует самодисциплины. Нужно работать до самоотречения. Ибо нет предела самосовершенствованию».

Самовоспитание, самодисциплина, самоотречение, самосовершенствование... Заметьте — не просто дисциплина, а самодисциплина, самовоспитание. То есть сознательное усилие воли, сознательное подчинение жестоким законам профессии.

Тимофеева создает свой стиль. Редкая для женского танца сила, смелость, широта. Удивительная масштабность, значительность каждого движения, поворота, жеста. И за всем этим — предельное напряжение духовной жизни. Тяготение к сгущению драматическим, трагическим концепциям и краскам. Аскетическая серьезность творческих задач. Полное отсутствие штампа, тривиальной балетной красивости и «милоты». Образы Девушки в «Ночном городе», Хозяйки Медной горы в «Каменном цветке», Мехнеме Бану в «Легенде о любви», Эгины в «Спартаке», Асели, леди Макбет — все это образы трагические. Во многих из них — грозное, властное обаяние, таинственная сумрачность души, и во всех — скрытность, боль одинокого женского сердца, достоинство, порой величие, мудрость трагических прозрений.

В сценическом облике Н. Тимофеевой, в демоническом разлете бровей, в горящем взоре, в бледности ее лица было что-то от вагнеровских валькирий. Сивилла, Пророчица, Кассандра. Непреклонная, отважная амазонка в балетном царстве сильфид, нереид и дриад.

Ее царственные мученицы, скорбные и коварные повелительницы войдут в историю трагического жанра на балетной сцене.

С особой силой ее уникальное искусство трагической актрисы и балерины раскрылось в шекспировском балете «Макбет» на музыку К. Молчанова. Суровая, мрачная красота облика, могучая масштабность танца — все это позволило Н. Тимофеевой вылепить образ скульптурной, монументальной цельности, в то же время полной психологических противоречий, сложности и глубины.

Две страсти владели ее леди Макбет: неистовая любовь к мужу и такая же неистовая жажда власти. Все это переплеталось в ее душе, делало слепой и одержимой. Невольно думалось о том, что же толкает ее на чудовищные преступления — стремление царственно возвысить любимого человека или наоборот — сжигающее честолюбие заставляет ее вложить все надежды в сердце Макбета, сделать его воплощением и орудием своих властолюбивых замыслов и чаяний.

Именно это переплетение, борьба страстей делали леди Макбет Тимофеевой по-шекспировски глубокой. Эта партия явилась как бы творческой кульминацией Н. Тимофеевой в ее давнем стремлении к балетной трагедии.

Она танцевала партию леди Макбет в тот трагический вечер, когда в ложе скоропостижно скончался ее муж композитор К. Вл. Молчанов. Почти в беспамятстве дотанцевала она спектакль до конца, отдавая тем самым дань памяти, благодарности близкому человеку, ибо «Макбет» — может быть, самое значительное и любимое произведение Молчанова.

Тимофеева не устает повторять, что всем обязана своим педагогам — Н. Камковой, по классу которой кончала ленинградское хореографическое училище, Г. Улановой, А. Ермолаеву, М. Семеновой, балетмейстерам Ф. Лопухову, К. Голейзовскому, Ю. Григоровичу.

Партнерами Тимофеевой были такие выдающиеся танцовщики, как Н. Фадеечев, В. Васильев, М. Лавровский, Я. Сех, М. Лиепа. Последний писал о ней так: «Исполнение Н. Тимофеевой роли Мехнемэ Бану усиливает значительность этого образа прежде всего тем, что актриса по-настоящему постигла глубину мыслей, силу и высоту чувств, и скажу больше — философскую значимость образа. Артистка нигде не опускается до поверхностного изображения чувств ревности, мести, тоски. Каждая краска в созданном ею сценическом портрете служит раскрытию философской сущности произведения».

Сейчас Тимофеева посвящает себя педагогической деятельности. Ее талант, ум и воля должны принести ей успех и на этом поприще.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН